

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-7-47

Научная статья / Research paper

К.В. Богданов*

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова» Российской академии наук
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Статья посвящена сравнительному исследованию динамики и механизмов трансформации стратегической стабильности в исторической ретроспективе холодной войны и в настоящий момент. На основании анализа факторов, влияющих на стратегическую стабильность в разные периоды времени, делаются выводы о приоритетах этой трансформации. При анализе стратегической стабильности следует отличать ее базовые принципы, сводящиеся к устойчивости ядерного сдерживания в любых реалистичных сценариях развития событий и не предоставляющие конструктивных оснований для практических действий, от прикладных репрезентаций для нужд расчета военно-стратегических балансов и формулирования соглашений о контроле над вооружениями. Последние зависят от текущего состояния стратегического ландшафта, который подвержен постоянным изменениям, иногда скоростным и драматичным, как показывают и история холодной войны, и современное положение дел. Прикладное воплощение стратегической стабильности выбирается для конкретных задач, соотносится с наиболее опасными текущими тенденциями и опирается на набор трех базовых групп факторов (военно-политических, военно-технических и военно-стратегических), действующих в определенный момент времени. Это приводит к необходимости постоянного пересмотра релевантного набора этих факторов и разработке всё новых практических мер укрепления ядерного сдерживания.

* Богданов Константин Вадимович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник сектора военно-политического анализа и исследовательских проектов ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (e-mail: cbogdanov@gmail.com).

В статье выполнена оценка текущего набора релевантных факторов, влияющих на стабильность ядерного сдерживания. Данная оценка была соотнесена с широко применяемой сегодня моделью стратегической стабильности, уходящей в логику переговоров о контроле над вооружениями конца 1980-х годов. Показаны пределы применимости этой модели в нынешнем стратегическом ландшафте, сделан акцент на приоритетных факторах, которые подрывают текущую репрезентацию стратегической стабильности (определенную в Совместном советско-американском заявлении 1990 г.). Продемонстрирована возросшая комплексность проблемы в сравнении с опытом холодной войны: возникновение новых неучтенных факторов отмечается во всех трех упомянутых группах. Проанализированы возможные характер и последовательность дальнейшего движения в сфере контроля над вооружениями, способного снизить остроту проблемы и повысить стратегическую стабильность.

Ключевые слова: военно-стратегический баланс, контроль над вооружениями, международная безопасность, ограниченное применение ядерного оружия, ответный удар, первый удар, противоракетная оборона, стратегический паритет, стратегическая стабильность, стратегические ядерные силы, ядерное сдерживание

Для цитирования: Богданов К.В. Стратегическая стабильность: динамика и факторы трансформации // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 7–47. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-7-47.

Konstantin V. Bogdanov

STRATEGIC STABILITY: DYNAMICS AND FACTORS OF TRANSFORMATION

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997*

The paper provides a comparative analysis study of the dynamics and mechanisms of the strategic stability transformation both during the Cold War and at present. Drawing on the analysis of the factors affecting strategic stability in different time periods, the author outlines the priorities of this transformation. Its basic principles are confined to the stability of nuclear deterrence in any realistic scenarios and do not provide for practical action. Hence, one should distinguish them from applied solutions for calculating military-strategic

balances and elaboration of arms control agreements. The latter depend on the current strategic landscape subject to constant, sometimes drastic change, as both the Cold War history and the recent developments testify. The choice of particular type of representation of strategic stability is determined by the nature of the most dangerous ongoing trends, and relies on a set of three basic groups of factors (political-military, military-technical, and military-strategic) existing at a given time. This necessitates constant revaluation of these factors and development of new practical measures to build up nuclear deterrence.

The paper assesses the current set of relevant factors affecting stability of nuclear deterrence, and then compares it with the commonly used model of strategic stability based on the logic of arms control negotiations of the late 1980s. The author highlights the limitations of the latter model applicability to the present strategic landscape, and outlines the key factors that erode the current understanding of strategic stability (as it was stipulated in the 1990 U.S.–Soviet Joint Statement). In particular the author emphasizes the increasing complexity of international landscape as compared to the Cold War period: new and unanticipated challenges have affected all three above-mentioned groups of factors. The paper ends up with the analysis of the possible developments in the field of arms control that could alleviate tensions and increase strategic stability.

Keywords: military-strategic balance, arms control, international security, limited nuclear options, retaliatory strike, first strike, missile defense, strategic parity, strategic stability, strategic nuclear forces, nuclear deterrence

About the author: Konstantin V. Bogdanov — PhD (Engineering), Senior Research Fellow at the Center for International Security, the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: cbogdanov@imemo.ru).

For citation: Bogdanov K.V. 2022. Strategic stability: Dynamics and factors of transformation. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 7–47. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-7-47. (In Russ.)

Зарождение принципов стратегической стабильности прослеживается сразу после 1945 г. — еще в дискуссиях первого поколения стратегических аналитиков, когда устоявшегося теоретического корпуса ядерной стратегии попросту не существовало. В спорах Б. Броуди и У. Бордена [Borden, 1946; *The absolute weapon...*, 1946], заложивших целый ряд базовых концепций теории ядерной стратегии (в частности, дилеммы контрсилового и контрценностного нацеливания), впервые был показан механизм ядерного сдержи-

вания: уверенность своей в способности нанести на любой стадии конфликта удар, сокрушающий противника.

На втором этапе этих дискуссий возникли проблема уязвимости ядерных потенциалов и вытекавшая из нее идея стратегии разоружающих ударов. Все 1950-е годы в США прошли под знаком жарких споров на этот счет (подробнее см., например: [Kaplan, 1991: 85–110]). Результатом теоретического осмысления данной проблемы стала ключевая работа А. Уолстеттера «Хрупкое равновесие страха», где автор, до того вовлеченный в прикладные исследования уязвимости ядерных сил США, порученные RAND Corporation, прямо указал на двойственную динамику ситуации [Wohlstetter, 1959]. Страх перед разоружающим ударом равного противника толкает игрока к тому, чтобы этого противника упредить, а возможность сокрушительного возмездия удерживает его от такого хода.

Развивая и одновременно критикуя эту мысль, Т. Шеллинг писал: «Основу взаимного сдерживания формирует не баланс, т.е. очевидное равенство (симметрия) ситуации, а *стабильность* этого баланса» [Schelling, 1959: 414]. (Согласно обобщающему замечанию А.А. Кокошина на этот счет «[т]ермин *равновесие* скорее отражает количественные параметры существующей ядерной “суперсистемы”, тогда как понятие *стабильность* характеризует ее качественное содержание» [Кокошин, 2013: 163].)

Таким образом, уже к 1960 г. сложилось предельно обобщенное теоретическое понимание стратегической стабильности как устойчивого состояния взаимной возможности нанести неприемлемый ущерб, что позже, с ростом арсеналов, создало ситуацию взаимного гарантированного уничтожения, а по итогам глубоких сокращений ядерного оружия трансформировалось в концепцию сдерживающего ущерба.

Определение это, как сказали бы математики, неконструктивно: оно описывает некоторое состояние, но ничего не говорит о том, как его достичь на практике. Математика упомянута здесь не в качестве метафоры: принцип стратегической стабильности имеет слишком много прямых аналогий с устойчивостью технических систем (на что, к слову, обращали внимание российские исследователи [Веселов, 2015: 27]), а если быть совсем точным, то с их робастностью (способностью удерживать выходные параметры в заданном диапазоне при воздействии возмущений). Связь стратегической стабильности с понятийным аппаратом теории систем (в том числе с проблемой

гомеостаза в сложных системах) отмечали и другие специалисты (обзор см.: [Влияние технологических факторов..., 2017: 79–80]). Однако математизированное описание стратегической стабильности не пошло дальше динамических моделей военно-стратегического баланса и количественного стохастического анализа сценариев обмена массированными ударами при различных допущениях. Причиной были сложность всей совокупности моделируемых процессов и необходимость учета разнородных факторов, оказывающих серьезное (и порой нетривиальное) влияние на развитие событий [Yarynich, 2003: 63–134; Арбатов, Дворкин, 2011: 3–4].

Исторически сложившиеся американские воззрения на стратегическую стабильность подразумевают две укрупненные категории проблем. К *кризисной стабильности* относятся все аспекты, влияющие на принятие решения об упреждающем применении ядерного оружия в обстановке военно-политического кризиса. Специфический подвид данной категории — стабильность в первом ударе, имеющая дело с узкими военно-техническими особенностями конкретных систем вооружений, включая их живучесть, точность и контрсилловой потенциал, т.е. как раз с теми параметрами, которые входят в традиционную сферу методологии контроля над вооружениями. Выступая, по замечанию Дж. Эктона [Strategic stability..., 2013: 122], необходимым условием кризисной стабильности, стабильность в первом ударе не является достаточным условием. В этом, в частности, крылся будущий механизм развития расширительных трактовок стратегической стабильности, распространяющихся на сферу политических отношений.

Вторая категория — *стабильность гонки вооружений*, общий смысл которой сводится к тому, чтобы ни одна из сторон не могла заполучить решающее военное преимущество за счет количественного наращивания (а по возможности и качественного совершенствования) запасов оружия. Высокая стабильность гонки вооружений обесмысливает значительные вложения в стратегические системы и склоняет к политике оборонной достаточности (вплоть до связанного с ней минимального сдерживания).

Отечественные военно-научные школы мысли понимают стратегическую стабильность с практической точки зрения — как примерное равенство потенциалов стратегических ядерных сил (СЯС) оппонентов во всех трех формах боевого применения: первом, ответно-встречном и ответном ударах (из последних соображений на

этот счет см., например, мнение В.З. Дворкина [Контроль над вооружениями..., 2020: 25]). Это, в частности, подразумевает намеренное развитие сил, средств и методов ведения ядерной войны (сдерживание через демонстрацию потенциала применения)¹. Такое определение удобно, но всё же не может считаться исчерпывающим, так как содержит элемент неопределенности, обусловленный вопросом о выживаемости сил ответного удара и ее связи с уровнем обеспечиваемого сдерживающего ущерба. Более того, данное определение в одиночку слабо применимо к ситуации ядерной многополярности.

С точки зрения сферы охватываемых вопросов трактовки стратегической стабильности принято делить ее на узкую (сводящуюся к описанию состояния группировок стратегических вооружений, снижающих стимулы к применению ядерного оружия и гонке ядерных вооружений) и широкую (характеристика системы военно-политических мер разнородного характера, снижающей вероятность военной агрессии) [Арбатов, Дворкин, 2011: 4]. Расширительная трактовка стратегической стабильности, возникшая после окончания холодной войны, характеризовала такое состояние военно-политических отношений, при котором отсутствуют основания для серьезных конфликтов между ведущими ядерными державами.

Этот взгляд на стратегическую стабильность характерен как для представителей стратегического сообщества России, так и для их коллег из США². При анализе перечня предлагаемых там интерпретаций стратегической стабильности бросается в глаза особенность современных американских школ. Даже там, где слово дают представителям, как выразились бы в советское время, «ястребиных кругов», прямо призывающих к развитию и совершенствованию ядерных потенциалов вместо их ограничения и сокращения, они пишут о высокой роли международно-политических и политико-психологических факторов стратегической стабильности.

Российские точки зрения на расширение определения стратегической стабильности за пределы узкой сферы ядерной стратегии

¹ Подробное обсуждение вопроса о соотношении соображений ведения боевых действий с применением ядерного оружия (*warfighting*) и ядерного сдерживания (*deterrence*) в советской стратегии, выполненное с опорой на опросы компетентных советских политических, военных и промышленных деятелей, см.: [Hines, 1996].

² Отличный обзор всего спектра современных взглядов американских исследователей на стратегическую стабильность можно найти в работе [Strategic stability..., 2013].

сводились к «военно-политической стабильности» [Веселов, 2015: 25], «взаимной гарантированной стабильности», «ядерной стабильности» (способности системы военно-политических отношений «сохранять свое качество, то есть военно-политическую обстановку») [Влияние технологических факторов..., 2017: 77–78] или «стратегической безопасности», под которой понимают «конвергенцию двух концепций (стратегической стабильности и безопасности во всех аспектах)» [Петровский, 2004: 39]. Небезынтересно, что последний термин возник в России, но в 2010-е годы переключался в риторику администрации Д. Трампа. Впрочем, некоторые американские специалисты, в том числе работавшие в официальных структурах американской администрации, и до того рассматривали широкие определения стратегической стабильности как состояния глобальной и региональных сред безопасности, обеспечивающего «мир и стабильность».

Недостаток этого направления мысли — его неконкретность: если мы и можем говорить о столь широком военно-политическом контексте как новом фундаменте стратегической стабильности, то чаще всего это набор пожеланий к конечному состоянию системы международных отношений и военно-стратегических балансов, а не перечень конкретных мер, доказуемо поддерживающих стабильность ядерного сдерживания. Это приводит к критике со стороны специалистов, приверженных идее приоритета военно-технических и доктринальных факторов и, следовательно, склонных интерпретировать стратегическую стабильность более узко. Например, у А.Г. Арбатова мы читаем: «...планы диктуются техническими характеристиками вооружений и их информационно-управляющих систем. Применительно к нашему времени классический постулат Клаузевица можно переформулировать так: большая (т.е. ядерная) война есть продолжение доктрины (ядерного сдерживания) и технических характеристик систем оружия, определяющих планы и способы их применения, — а не внешней политики сверхдержав»³.

В рамках этой концепции предлагается рассматривать трансформацию модели стратегической стабильности за счет точечного взвешенного учета новых релевантных факторов, как политических,

³ Арбатов А.Г. Роль ядерного сдерживания в стратегической стабильности. Гарантия или угроза // Московский центр Карнеги. 28.01.2019. Доступ: <https://carnegiemoscow.org/2019/03/22/nuclear-deterrence-guarantee-or-threat-to-strategic-stability-pub-78663> (дата обращения: 27.05.2022).

так и технологических, но без смены базовой идеи стабильности ядерного сдерживания, адресующейся к ядерным потенциалам и доктринам, на международно-политические меры, и при этом непрерывно укладывать эти факторы в новые соглашения о контроле над вооружениями, не изолируя теоретические выкладки от практической военно-технической репрезентации.

Параллельно в России возникли и укрепились воззрения, отрицающие жесткие формы контроля над вооружениями в пользу многосторонних политико-диалоговых форматов поддержания стратегической стабильности [Караганов, Суслов, 2019] и совместимые с предельно широкой ее трактовкой, но при этом сосредоточенные на доказательстве вредоносности самого принципа стратегического паритета [Суслов, 2021]. Последнее объяснимо с учетом динамики действующих военно-политических и военно-технических факторов, но, вообще говоря, не связано с контролем над вооружениями и стратегической стабильностью, что будет показано далее.

Чем обоснован подобный дрейф после 1991 г. в сторону от основы стратегической стабильности — ядерного сдерживания и его потенциалов? Во-первых, глубокие сокращения ядерного оружия на центральном сдерживании снизили опасность начала глобальной ядерной войны и перенесли фокус на периферийные проблемы стратегической стабильности (эскалация региональных конфликтов до ядерного уровня, катастрофический терроризм, ядерное нераспространение). Это в числе прочего потребовало соответствующего исследовательского инструментария — хотя бы для своего понятийного описания. Во-вторых, характер военно-политического взаимодействия между бывшими соперниками по холодной войне претерпел существенные изменения, и восприятие его дальнейшей динамики на какой-то момент поставило под вопрос сам факт нахождения России и США в отношениях ядерного сдерживания. Воспринимать ли «ту сторону» как противника или нет? И если нет, то тогда определение стратегической стабильности нужно серьезно редактировать.

Этот парадокс неоднократно отмечали как политики, так и академические исследователи. Например, Дж. Буш-мл., объявляя о выходе США из Договора по противоракетной обороне (ПРО) в декабре 2001 г., аргументировал это тем, что ядерное сдерживание — это «мрачная теория», а Россия и США «заместили взаимное гаранти-

рованное уничтожение взаимным сотрудничеством»⁴. Не оценивая искренность и конструктивность этой позиции, особенно с учетом исторического послезнания, отметим, что в ее аргументации явно подразумевалось исчезновение того особого состояния отношений, которое могло бы характеризоваться в терминах стратегической стабильности. А.Г. Савельев, полагаящий, что узкая интерпретация стратегической стабильности после окончания холодной войны малоубедительна, приводит в качестве довода именно это соображение: взаимное гарантированное уничтожение есть контролируемое состояние отношений *врагов*, и что делать в том случае, когда они больше не считаются врагами или не хотят ими быть [Савельев и др., 2013; Савельев, 2015]?

Столкновение двух этих направлений мысли в определенной степени размыло фокус дискуссий вокруг стратегической стабильности, создав определенный парадокс. Перемещение в широкий военно-политический контекст выглядит естественным шагом, но уводит обсуждение от практических соображений, лежащих в основе стабильности ядерного сдерживания. В результате возникает ситуация, когда деградация системы практических мер военно-технического характера, размонтирующая сложившуюся архитектуру контроля над вооружениями, не сопровождается компенсирующим строительством системы глобальной коллективной безопасности за счет углубления конструктивного международно-политического взаимодействия. Конечный результат этого процесса прекрасно иллюстрируют события 2022 г. во взаимоотношениях Запада и России.

Можно задаться вопросом, прямо следующим из текущей динамики военно-политической обстановки. В условиях резкого роста международной конфронтации последнего времени стороны явно возвращаются к опыту холодной войны. Следует ли ожидать заодно и ренессанса узкой интерпретации стратегической стабильности с утратой привлекательности аморфных концепций вроде «стратегической безопасности»? Или история не повторяется и широкая трактовка вполне может уживаться с узкой в мире, перешедшем на новый уровень взаимного противостояния основных игроков?

⁴ Bush G.W. Remarks by the President on National Missile Defense // White House. 13.12.2001. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/12/text/20011213-4.html> (accessed: 27.05.2022).

Цель автора статьи — проследить в исторической ретроспективе динамику взаимодействия разнородных (военно-политических, военно-стратегических и военно-технических) факторов, влияющих на стратегическую стабильность, и определить с этой точки зрения сущностное наполнение ситуации, в которой находится ядерная «суперсистема» в настоящий момент. По результатам этого анализа будет сделан вывод о характере перспективных шагов, которые можно было бы предпринять для разрешения кризисного положения в сфере контроля над вооружениями в контексте поддержания стратегической стабильности в сложившихся условиях.

Стратегическая стабильность: зарождение и динамика

Принципы стратегической стабильности, красиво выглядящие в чистых мысленных экспериментах ядерной схоластики, приходится спускать на грешную землю, воплощая в концепции оперативного применения, программы перевооружения и особенно в методологию соглашений о контроле над вооружениями. Воспользуемся исторической ретроспективой, чтобы исследовать трансформацию факторов стратегической стабильности.

Укрепление «интуитивно очевидной»⁵ стратегической стабильности пошло сразу по нескольким направлениям. Выводы исследований 1950-х годов о высокой уязвимости ядерных сил к первому удару привели к переводу стратегических бомбардировщиков ВВС США на повышенные степени готовности к старту по короткому тактическому предупреждению, что подразумевало дежурство машин в заправленном состоянии и с подвешенным ядерным оружием на борту на взлетных полосах (эта практика была прекращена только в начале 1990-х годов), а в период с 1960 по 1968 г. — и в форме постоянного нахождения части бомбардировщиков с ядерным оружием на борту в воздухе (операция Chrome Dome). Другим направлением было сокращение времени предстартовой подготовки межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Например, программа легких твердотопливных ракет Minuteman была запущена в попытке заполучить ударное средство, всё время находящееся в повышенной боеготовности и способное «выскочить» из-под вовремя обнару-

⁵ Так, Т. Шеллинг писал в ретроспективе: «Всё, что делалось, делалось просто, ощутимо и эффективно. Мы все понимали, что подразумеваем под стабильностью» [Strategic stability..., 2013: VII].

женного налета противника. Тем же путем, хотя и с отставанием по времени развивал свою ракетную технику и СССР: сперва сокращая время предстартовой подготовки жидкостных МБР, а потом и в ходе разработки новых твердотопливных.

Ракетно-ядерные технологии конца 1960-х годов сформировали уникально сочетающийся пакет; глядя на этот период, иной раз хочется подумать о «золотом веке» стратегической стабильности, быстро, однако, прошедшем. Моноблочные МБР с довольно-таки невысокой точностью позволяли почти идеально балансировать арсеналы межконтинентальных средств доставки между СССР и США, исключая сколь бы то ни было успешное выполнение разоружающего удара. Активное развитие баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), еще менее точных, гарантировало нанесение неприемлемого ущерба в ответном ударе «промышленно-административным районам» (городским агломерациям) противника. Симметричная количественная гонка стратегических вооружений теряла смысл. Системы ПРО были несовершенными, а их наращивание давало «расходящееся решение»: парировать развитие оборонительных систем противника совершенствованием своих наступательных выходило втрое дешевле⁶.

В этот период центральным элементом концепции стратегической стабильности и ее практической репрезентацией в военно-стратегических расчетах и соглашениях о контроле над вооружениями стал *принцип стратегического паритета*. Это произошло сразу по нескольким причинам.

Во-первых, паритетный принцип стабильности прост, интуитивно понятен и в особенности подходит для анализа и регулирования военно-стратегического баланса в системе международных отношений с двумя крупными игроками.

Во-вторых, указанные ранее военно-технические особенности стратегических наступательных вооружений того периода позволяли участникам, с одной стороны, достаточно комфортно воспринимать стабильность взаимной уязвимости, с другой — ограничивать масштабы военного строительства из-за отсутствия явно выраженных преимуществ в гонке ядерных вооружений и ее дороговизны,

⁶ По данным исследования “Damage Limiting: A Rationale for the Allocation of Resources by the U.S. and the U.S.S.R.”, выполненного в Министерстве обороны США в 1964 г. Приводится по: [Kaplan, 1991: 321–322].

а с третьей — корректно рассчитывать балансы потенциалов для нужд соглашений о контроле над вооружениями, опираясь только на национальные технические средства. Последнее было особенно важно на заре развития методологии контроля над вооружениями, когда стороны не доверяли друг другу, не были готовы к интрузивной верификации через взаимные инспекции и не имели опыта совместной работы в этой области.

В-третьих, стратегический паритет удобен и с политико-психологической точки зрения, поскольку зримо уравнивает статусы вовлеченных в соглашения о контроле над вооружениями держав. Принять и обосновать правила балансирования потенциалов, основанные на едином количественном потолке, гораздо легче, особенно если дело касается процедур парламентской ратификации и убеждения профессионально неподготовленной части политических элит в пользу соглашений для укрепления национальной безопасности. Отказ от этих принципов в свою очередь может привести к ущербу для статуса державы и потому политически вряд ли приемлем без серьезных на то оснований.

Таким образом, с конца 1960-х до середины 1970-х годов сложилась уникальная комбинация разнородных факторов военно-политического и военно-технического характера, приведшая к формированию достаточного с практической точки зрения представления стратегической стабильности через стратегический паритет (определение А. Уолстеттера без явного требования условия Т. Шеллинга, выполнявшегося в тот момент автоматически за счет особенностей стратегического ландшафта). Это не свидетельствует об имманентной связи стратегического паритета со стратегической стабильностью и методологией контроля над наступательными вооружениями. Это было разовое явление, сложившееся за счет сочетания характера международной обстановки с особенностями находящихся в эксплуатации систем ядерного оружия. Неудивительно, что следствием стал беспрецедентный на тот момент переговорный процесс об ограничении развертывания отдельных видов стратегических вооружений, параллельно разблокировавший движение по политическим трекам, сформировавшим международно-правовой базис «мирного сосуществования», который увенчался Хельсинкским заключительным актом 1975 г. Дополнительное ускорение процессу придали кризисные явления, одинаково подтолкнувшие обе стороны к разрядке. СССР в 1968 г. продемонстрировал миру

неустойчивость управления «социалистическим лагерем», вынужденно применив силу для подавления «пражской весны», а годом спустя утратил позиции признанного лидера космической гонки, уступив США приоритет высадки на Луне. США в этот же период находились в полосе перманентного кризиса, связанного с войной во Вьетнаме и нараставшими внутривнутриполитическими противоречиями, что отражалось и на их отношениях с союзниками.

Однако именно в этот момент динамика действовавших факторов «взломала» стратегическую стабильность с военно-технической стороны. Появление разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН) и рост точности баллистических ракет существенно повысили контрсиловые потенциалы в условиях стратегического паритета. Так, в случае выделения двух боевых блоков на поражение одной шахтной пусковой установки (ШПУ) МБР в равных группировках ракет, оснащенных тремя блоками каждая, теоретически возможен разоружающий первый удар с использованием всего 2/3 наличного потенциала атакующей стороны. При условии увеличения среднего числа блоков, приходящегося на одну ракету, доля своего ядерного оружия, необходимого для уничтожения ядерного оружия противника в первом ударе, падала еще больше⁷.

Эта ситуация возникала даже при наличии строгого паритета по носителям и боезарядам. Более того, она только множила проблемы, так как ракета с несколькими боевыми блоками (с большим их количеством, чем нужно для ее упреждающего уничтожения в ШПУ) является привлекательной целью и тем самым провоцирует контрсиловой удар по себе. Таким образом, сценарий разоружающего удара становился (хотя бы в теории) одновременно реализуемым оперативно-технически и выгодным с точки зрения затрат собственного потенциала на уничтожение вражеского. Уязвимость ШПУ к более точным системам с РГЧ ИН создавала в кризисных условиях воронку дестабилизации («запускай или потеряешь»), про-

⁷ Реализация такого умозрительного сценария на практике сталкивается с массой сложностей [Кокошин, 2018: 18], включая техническую надежность ракет; координацию массированного удара по времени; девиацию точностей при применении по боевым, а не испытательным траекториям; а также проблему «фратрицида» (влияния поражающих факторов ядерного взрыва на свои же боеголовки при множественном применении по одной и той же цели). Тем не менее дестабилизирующий эффект РГЧ ИН в стратегических отношениях сторон с середины 1970-х годов наблюдался отчетливо [Арбатов, Дворкин, 2011: 4].

воируя нанесение упреждающего ядерного удара из соображений сохранения потенциалов от неминуемо успешного первого удара противника. Это приводило к попыткам ввести в оборот доктрину ответно-встречного удара, несущую в себе риски технических сбоев и человеческих ошибок в условиях цейтнота, а также обеспечить себе стратегическое раннее предупреждение, основанное на поисках сочетаний признаков подготовки ракетно-ядерного нападения противника, что в свою очередь подрывало кризисную стабильность за счет возможных неверных интерпретаций действий оппонента⁸.

При этом РГЧ ИН в сравнении с ракетными системами, выполненными по моноблочной технологии, существенно удешевили гонку вооружений, снизив затраты на строительство новых носителей (и в первую очередь их дорогостоящих стартовых комплексов), а также расход оружейных материалов на боезаряды, мощность которых могла быть уменьшена за счет повышения точности наведения без потери поражающей способности (а в ряде случаев и с ее ростом)⁹. Результатом стало существенное наращивание объемов развернутого стратегического ядерного оружия в 1970-е годы без значимых изменений в количестве его носителей. Эффект от экономии на гонке вооружений частично «сгладился» из-за вложений в более совершенные системы наведения на новых образцах ракетного оружия, что привело к удорожанию ядерных программ уже в 1980-е годы.

Дополнительную проблему создавал прогресс в точности наведения иных систем вооружений, приведший к появлению нового поколения ядерных крылатых ракет воздушного и морского базирования, а также ядерных баллистических ракет средней дальности (БРСД) с РГЧ ИН (как у советской системы «Пионер») или оснащенных боеголовками с корректировкой на терминальном участке траектории (как у БРСД Pershing II).

Таким образом, стратегический паритет уже к концу 1970-х годов перестал быть достаточным условием стабильности ядерного сдерживания, хотя, по-видимому, в биполярной системе он по-прежнему оставался необходимым. Начался постепенный закат стратеги-

⁸ Наблюдение за подобного рода кризисом осени 1983 г. вокруг ядерных учений НАТО Able Archer 83 см.: [Fischer, 1997].

⁹ В стандартную формулу оценки поражающей способности боезаряда входят его мощность в степени 2/3 (прямая зависимость) и точность в степени 2 (обратная зависимость), что с очевидностью позволяет судить о куда большем влиянии точности на итоговый результат [Tsipis, 1975: 20].

ческого паритета как прикладной репрезентации стратегической стабильности с постепенным смещением его значимости в область политической психологии и международно-статусных соображений. Именно в такой роли он сохранился и в составе соглашений о контроле над вооружениями.

На примере воздействия РГЧ ИН на стратегическую стабильность видно, что чем сложнее становились военно-технические решения и порождаемые ими сценарии боевого применения, тем больше проблем возникало и при попытке просчитать логику поведения оппонента и его цели, что в свою очередь также начало отражаться на устойчивости ядерного сдерживания.

Так, хорошо известны тревожные размышления в экспертном сообществе США, вызванные проблемой «окна уязвимости». Завысив (как теперь понятно, намеренно) оперативно-технические возможности группировки советских МБР, коллектив американских стратегических аналитиков («группа В» под руководством Р. Пайпса, проводившая параллельный анализ разведывательных данных ЦРУ) предположил в 1976 г., что СССР развивает потенциалы ведения ядерной войны, имеет стратегию победы в ней и в рамках нее готовится нанести по США разоружающий ядерный удар. В публичном пространстве эту позицию активно отстаивал советник «группы В» П. Нитце [Nitze, 1976; 1976/1977]. Используя около 300 тяжелых МБР с 10 боеголовками каждая, Советский Союз якобы надежно поразил бы 1054 шахты ракет Minuteman и Titan на территории США, а заодно и базы бомбардировщиков и подводных лодок. По итогам этого первого удара, как считали авторы сценария, СССР сохранил бы около 1000 легких МБР, чья точность позволяла продолжать контрсилловые операции (в том числе против группировок сил общего назначения), в то время как у США остались бы в основном дежурившие в море подводные лодки. Низкая точность морских ракетных систем того времени поставила бы перед американским руководством тяжелую дилемму: наносить ответные ядерные удары по площадным целям, т.е. советским городам, получая в ответ удар по своим (уже попавшим под шлейф радиоактивного загрязнения, но пока не разрушенным) с ростом потерь населения на порядок, или сдаваться [Lambeth, 1975: 18]?

Этот макабрический сценарий надолго овладел воображением изрядной части американского стратегического сообщества на рубеже 1970–1980-х годов, влияя на позицию США в переговорах

о контроле над вооружениями (в частности, на одержимость Вашингтона проблемой забрасываемого веса). С академической точки зрения вопрос был закрыт только во второй половине 2000-х годов в работе П.Л. Подвига, выполненной с опорой на сведения из личного архива заместителя руководителя Оборонного отдела ЦК КПСС В.Л. Катаева [Podvig, 2008]. Данные о советских ракетах с РГЧ ИН позволили сказать, что американцы существенно завысили их точность, а значит, и контрсиловой потенциал. Следовательно, если в Союзе рассматривали сценарии первого удара (а их рассматривали¹⁰, несмотря на то что основой советской ядерной стратегии с рубежа 1960–1970-х годов была всё же ориентация на ответное применение), то совершенно не в изложенной логике «окна уязвимости».

В дальнейшем эти соображения привели П.Л. Подвига к попытке инициировать новую волну дискуссии о реальном оперативном назначении многоблочных шахтных МБР в советской ядерной стратегии и их влиянии на стратегическую стабильность¹¹. Подробное обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи, но здесь следует отметить, что аргументированная и подтвержденная документально ревизия оперативной роли отдельных видов вооружений, признаваемых ранее «стабилизирующими» или «дестабилизирующими», имеет непосредственное отношение к изучению динамики факторов стратегической стабильности.

Особенно интересен в этой связи политико-психологический вопрос о неверном прочтении поведения оппонента. При «отзеркаливании» (*mirror-imaging*) действия противника изучаются и трактуются на основании собственной стратегической логики и собственных стремлений. Этот результат вытекал в том числе из широкого применения аппарата теории игр при расчете сценариев ядерных конфликтов, поскольку в них неявно подразумевалась презумпция равно рационального поведения игроков. Однако уже

¹⁰ Подробнее обсуждение советских взглядов на упреждающее применение ядерного оружия см.: [Hines, 1996: 41–49; История военной стратегии России, 2000: 442–443]. Позиция советского военного руководства по этому вопросу менялась в течение холодной войны от упреждающих концепций до всё большей ориентации на ответный удар, однако с сохранением подобной формы боевого применения до 1980-х годов [Кокошин, 1995: 147–148, 222].

¹¹ Podvig P. In defense of silo-based MIRVed ICBMs // Russian Strategic Nuclear Forces. 02.06.2021. Available at: https://russianforces.org/blog/2021/06/in_defense_of_silo_based_icbms.shtml (accessed: 27.05.2022).

к концу 1970-х годов стало очевидно, что это создает огромную проблему. Дело не в том, что другой игрок может повести себя иррационально¹², а в том, что его вполне внутренне рациональное поведение может имплицитно оцениваться оппонентом на основании его собственных, оппонента, императивов, а то и просто в вульгарной форме переноса своих намерений на противника. Иными словами, «когда двое делают одно и то же, это не обязательно одно и то же».

Впервые, насколько можно судить, на эту проблему в рассматриваемой нами предметной области натолкнулся Дж. Снайдер, анализирувавший в 1977 г. советские воззрения на ограниченное применение ядерного оружия в «сигнальных» сценариях и впервые введший в оборот понятие стратегической культуры как важного фактора, формирующего ядерную стратегию. Так, он писал: «Опасно предполагать, будто в момент кризиса советские лица, принимающие решения, будут вести себя в соответствии с американскими представлениями о стратегической рациональности» [Snyder, 1977: V]. Но нетрудно заметить, что американская группировка СЯС десятилетиями формировалась в рамках концепции «ограничения ущерба», и непрекращающиеся попытки американских аналитиков отыскать следы параллельного поведения СССР были естественными, но, возможно, ошибочными.

Советский Союз тоже испытал на себе обратное действие концепции «окна уязвимости». Долгая дискуссия об экзотических и дорогостоящих защищенных способах базирования для МБР МХ закончилась тем, что в 1983 г. комиссия Б. Скоукрофта рекомендовала отказаться от них и разместить ракеты в обычных ШПУ МБР Minuteman III, а эти шахты рассматривались в США как уязвимые перед советским первым ударом. Бывший замдиректора ЦРУ Г. Сквилл писал еще в октябре 1981 г.: «Единственное, к чему приведет размещение контрсилловых МБР МХ в уязвимых ШПУ, — это сигнал русским о том, что мы планируем нанести по ним первый удар еще до того, как их собственная атака уничтожит эти ракеты»¹³. Анализ тональности советских источников начала 1980-х годов показывает, что такая трактовка восприятия советской стороной вполне соответствовала действительности, тем более что за 10–15 лет до этого в

¹² Рассуждения о собственно иррациональном поведении игроков в ядерном сдерживании см., например: [Фененко, 2021].

¹³ Scoville H. First strike // The New York Times. 08.10.1981. Section A. P. 27. Available at: <https://www.nytimes.com/1981/10/08/opinion/first-strike.html> (accessed: 27.05.2022).

СССР прошла масштабная дискуссия о ядерной стратегии, известная как «спор века» или «малая гражданская война», суть которой вращалась как раз вокруг вопроса о достаточной защищенности ШПУ МБР в различных сценариях их боевого применения [Мозжорин, 2001: 144–188; Оружие ракетно-ядерного удара, 2009: 331–342].

Многомерность проблемы стратегической стабильности в век РГЧ ИН задала особую логику советско-американских переговоров о контроле над стратегическими вооружениями в 1980-е годы. Оставаясь в рамках политически значимой идеи симметричного паритета по потенциалам, стороны предприняли шаги в направлении снижения ядерных рисков. Это, во-первых, подразумевало сокращение развернутого стратегического ядерного оружия вдвое (базовая идея переговоров по будущему Договору СНВ-1). Во-вторых, что важнее для целей нашего исследования, стороны приложили дополнительные усилия по укреплению ядерного сдерживания, пытаясь устранить эффект дестабилизации, привнесенный РГЧ ИН в систему стратегического паритета.

Именно в этот момент стратегическая стабильность, «интуитивно очевидная» до того на уровне принимаемых решений, была переведена в плоскость согласованных определений международно-правовой базы. Совместное советско-американское заявление, выпущенное в июне 1990 г. по итогам государственного визита М.С. Горбачёва в США, определяло ее как такое состояние стратегических отношений сторон, при котором устраняются стимулы для нанесения первого ядерного удара¹⁴. В той или иной степени оно до сих пор остается единственным определением стратегической стабильности с претензией на универсальный характер, вышедшим за пределы академических работ.

Конкретная репрезентация стратегической стабильности через систему практических мер, предложенная в этом заявлении, носила троякий характер и сводилась к учету влияния стратегических оборонительных вооружений (систем ПРО); предпочтительному развитию стратегических наступательных вооружений с повышенной выживаемостью; деконцентрации ядерных боезарядов на

¹⁴ Soviet — United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. 1 June, 1990 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/soviet-united-states-joint-statement-future-negotiations-nuclear-and-space-arms-and> (accessed: 27.05.2022).

стратегических носителях, т.е. снижению среднего числа боевых блоков, приходящихся на один носитель.

Уже на этом уровне была видна неоднородность проработки определяющих принципов. Скажем, деконцентрация боезарядов напрямую адресовалась к проблеме дестабилизирующего эффекта РГЧ ИН и могла даже считаться измеримым количественным показателем стратегической стабильности, если бы кто-то ставил себе задачу измерять ее таким образом¹⁵. Развитие потенциалов с высокой выживаемостью переносило акцент на системы, подходящие для гарантированного нанесения ответного удара, — вместо уязвимых к первому удару, провоцирующих воронку дестабилизации в условиях кризиса. Конкретные рекомендации на этот счет не приводились, но сам принцип построения живучих группировок стратегических вооружений (а также систем связи и боевого управления ими) не требует дополнительных пояснений.

Однако первый из трех принципов стратегической стабильности образца 1990 г. — учет влияния систем ПРО — практически значимого наполнения не получил, оставшись, по сути, политической декларацией. Неучтенным оказался и рост контрсилowych возможностей БРПЛ с РГЧ ИН, которые как раз к рубежу 1980–1990-х годов впервые получили возможность успешного поражения ШПУ и других защищенных объектов.

Вместе с тем с военно-технической точки зрения эффект укрепления стратегической стабильности по итогам холодной войны был налицо. Масштабные сокращения ядерного оружия изменили и соотношения носителей в группировках сторон, увеличив удельный вес живучих средств. Особенно это было заметно в России: если в 1991 г. доля мобильных средств в группировке Ракетных войск стратегического назначения составляла 23% по носителям и всего 9,3% по боезарядам, то к 2021 г. она выросла до 58% и приблизительно 40–45% соответственно (оценка по: [Kristensen, Korda, 2021: 91–92]).

Период холодной войны характеризовался относительной неизменностью военно-политической обстановки (биполярная структура), институциональной фиксацией мирового порядка, особенно в финальных двух десятилетиях («мирное сосуществование»), а так-

¹⁵ Так, согласно Меморандуму об установлении исходных данных для нужд Договора СНВ-1 на 1991 г. для советских МБР средний показатель составлял 4,73 боевых блока, для американских — 2,45. На 2021 г. для российских МБР показатель снизился до 2,58, американский достиг 1 [Kristensen, Korda, 2021].

же сравнительной стабильностью военно-стратегического баланса сторон. При оценке динамики стратегической стабильности это выводило на первый план проблемы военно-технического свойства: прогресс вооружений, создававший «возмущающие воздействия» в ядерной «суперсистеме».

Стратегическая стабильность: после холодной войны

Новые факторы, возникшие из-за кардинальной смены стратегического ландшафта после окончания холодной войны, существенно размыли привычные представления о стратегической стабильности и поставили под сомнение ее практические репрезентации. Проблема в деталях изучалась как отечественными [Кокошин, 2018; Контроль над вооружениями..., 2020], так и западными исследователями [Strategic stability..., 2013; Meeting the challenges of a new nuclear age, 2020]. В результате появляется всё больше оснований для того, чтобы подвергнуть проблематизации определение стратегической стабильности образца 1990 г. Влияющие факторы можно грубо разделить на три группы:

1) военно-политические — распад биполярной структуры международной системы и последующая эрозия «однополярного момента» с постепенно формирующейся многополярностью, обретающей в том числе и ядерное измерение;

2) военно-технические — появление новых вооружений и общий прогресс в военных технологиях;

3) военно-стратегические (доктринальные) — распространение концепций ограниченного применения ядерного оружия на фоне существенных сокращений мировых ядерных арсеналов после 1991 г.

Военно-политические факторы характеризуются продолжением процесса горизонтального распространения ядерного оружия (единственным незначимым исключением выступила ЮАР) на фоне остановившегося и даже повернувшегося вспять его вертикального распространения в военных машинах стран НАТО и России. Обретение Индией и Пакистаном ядерных боезарядов для всё более совершенных ракетных средств доставки, отказ КНДР от принятого было на себя безъядерного статуса и подозрения в намерениях Ирана сделать то же самое — всё это сформировало новую реальность мира после холодной войны, который подразумевался более безопасным и предсказуемым по дороге к разоружению, но по факту внес дополнительные переменные в «ядерное уравнение».

Ядерная многополярность окончательно похоронила саму идею ракетно-ядерного паритета как репрезентации стратегической стабильности (и в этом мы должны согласиться с ранее цитированными исследователями [Караганов, Суслов, 2019: 13, 42]). Отныне паритет не просто перестал быть достаточным условием стратегической стабильности (это наблюдалось уже с конца 1970-х годов), а попросту был невозможен математически в системах с более чем двумя примерно равными игроками. Это всё еще позволяет применять его при управлении региональными двусторонними системами сдерживания (например, индо-пакистанской), однако при работе с глобальным ядерным порядком количественные паритетные схемы в одиночку уже неприменимы.

Это важный сдвиг: отказ от столь привычного элемента действительности может иметь существенные внутривнутриполитические последствия. Вероятно, потребуются кардинальный пересмотр взглядов на роль и перспективы РФ в новой глобальной военно-политической реальности: Россия может утратить статус ядерной сверхдержавы или как минимум пасть жертвой размывания этого понятия в процессе формирования «большого треугольника» с США и КНР.

В ходе этого размывания неизбежна и трансформация самого понятия стратегической стабильности, поскольку появление третьего крупного бенефициара будет сопровождаться привнесением им своей стратегической культуры и попытками перестроить уже имеющееся здание в соответствии с собственными целями и интересами. Доминирующее китайское воззрение на стратегическую стабильность всё еще тесно связано с понятиями симметрий и баланса, что явно подразумевает стратегический паритет. Китайские эксперты много писали о том, что понятие стратегической стабильности не приложимо к нынешним американо-китайским отношениям в силу ярко выраженной асимметричности потенциалов сторон (подробнее обсуждение этого вопроса см.: [Saalman, 2011: 4–6]). Из этого помимо предположительной ориентации Китая на достижение военно-стратегического паритета с США следует в том числе и потенциальная сложность подключения Пекина к обсуждению вариантов поддержания стратегической стабильности, не включающих паритет в качестве необходимого условия. В этом разрезе интересен также и выходящий за рамки настоящей работы вопрос о реальной (а не пропагандистско-декларативной при стремлении к новой биполярной системе) приверженности Китая идее многополярного мира.

Трансформация биполярной ядерной «суперсистемы» в триполярную, сопровождающаяся эрозией принципа стратегического паритета и асимметричными отношениями сдерживания в «большом треугольнике»¹⁶, резко ослабляет стабильность гонки вооружений. Этому способствуют восприятие угроз в США, вынужденных балансировать Россию и Китай по отдельности как стратегических соперников (при условии формально зафиксированного равенства между Москвой и Вашингтоном по СНВ), а также действия Китая, который, по-видимому, решил-таки добиться к началу 2030-х годов паритета по межконтинентальным средствам доставки с США по аналогии с СССР конца 1960-х годов.

Горизонтальное распространение ядерного оружия меняет также восприятие ПРО в логике стратегической стабильности. Из откровенно дестабилизирующей идеи в составе стратегии «ограничения ущерба» она на наших глазах превращается в куда более сложный, многомерный феномен, который характеризуется как стабилизирующим действием в отношении угроз с «ядерной периферии», так и прежними проблемами, связанными с логикой стабильности ядерного сдерживания сверхдержав. Это соображение многократно воспроизводилось США в качестве объяснения своих односторонних действий по выходу из Договора по ПРО 1972 г. Однако буквально в последнее время мы увидели и мнение российских военных специалистов, оценивающих роль и назначение американской глобальной системы ПРО именно в этих категориях: противодействие периферийным ракетно-ядерным угрозам при практически полной бесполезности при отражении ответного ядерного удара России [Сухорутченко, Крейдин, 2022: 114].

Военно-технические факторы многократно описаны в литературе [из последних комплексных работ см., например: Влияние технологических факторов..., 2017; Контроль над вооружениями..., 2020]. Общий результат военно-технического прогресса сводится к возникновению новых типов вооружений, которые способны влиять на стабильность ядерного сдерживания. К ним следует отнести:

¹⁶ Так, по мнению А.Г. Арбатова, в «большом треугольнике» нельзя говорить о том, что Россия и КНР находятся в отношениях ядерного сдерживания (несмотря на наличие релевантных потенциалов), следовательно, у них отсутствуют и стимулы к ведению двусторонних переговоров о контроле над вооружениями, «сшиваемых» заинтересованностью во взаимных разменах [Арбатов, 2022: 14–15].

- развитие высокоточного оружия большой дальности (в том числе стратегических неядерных вооружений с дальностью, характерной для ядерных СНВ);
- развитие средств доставки в двойном оснащении;
- развитие космических вооружений;
- развитие автономных и необитаемых систем, в первую очередь беспилотных летательных и подводных аппаратов, а также их комплексирование по информационным средствам в «стаи»;
- развитие и интеграция информационных средств (в первую очередь орбитальных), что снижает скрытность мобильных комплексов сил ядерного сдерживания;
- совершенствование систем ПРО после роспуска Договора по ПРО 1972 г.;
- развитие прорывных военных технологий, не имеющих отношения к ядерному оружию, но потенциально способных повлиять на стратегическую стабильность (методы и средства ведения кибервойны, военное применение искусственного интеллекта, технологии обработки больших данных, квантовые технологии и пр.).

Непосредственное влияние новых факторов на стратегическую стабильность хорошо видно на примере неядерного высокоточного оружия большой дальности. Российские исследователи неоднократно показывали, что разоружающий удар по ядерным потенциалам с использованием только обычных вооружений невозможен¹⁷. Однако если говорить именно о стратегической стабильности, то куда больший интерес представляет влияние неядерного высокоточного оружия в комбинированных (ядерно-конвенциональных) контрсиловых операциях. Иными словами, вопрос не в том, могут ли неядерные высокоточные вооружения большой дальности в одиночку опрокинуть стабильность ядерного сдерживания (на данный момент не могут), а в том, в какой степени они способны повлиять на живучесть сил ответного удара при совместном применении с ядерными. А значит, в какой степени их учет важен для поддержания стабильности ядерного сдерживания и как они должны быть в силу этого представлены в режимах контроля над вооружениями,

¹⁷ См., например: Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. По-быстрому не получится // Военно-промышленный курьер. 19.10.2015. Доступ: <https://vpk-news.ru/articles/27617> (дата обращения: 27.05.2022).

в особенности в решениях по дальнейшим сокращениям ядерного оружия.

Исследования этого феномена велись уже много лет; он, как и соответствующие ему системы вооружений, довольно подробно описан как в США [Lieber, Press, 2017], так и в России [Кокошин, 2018: 17; Контроль над вооружениями..., 2020: 13–17, 36–58]. Опасения неядерного или комбинированного разоружающего удара прослеживаются и в работах китайских исследователей [Zhao, 2020]. Американская экспертиза уже несколько лет призывает к реализации в вооруженных силах принципа ядерно-конвенциональной интеграции [Manzo, Miles, 2016], подразумевающего, во-первых, создание применимых на поле боя маломощных и высокоточных ядерных вооружений и, во-вторых, всестороннюю подготовку сил общего назначения к ведению боевых действий с применением ядерного оружия. Эта идея находит отклик и в среде американских военных¹⁸.

Другой крупной проблемой остаются вепонизация и дальнейшая милитаризация космоса: совершенствование противоспутниковых потенциалов и развитие орбитальных группировок с соответствующим ростом возможностей по разведке и целеуказанию. Интеграция космического эшелона систем связи и боевого управления ядерными силами и силами общего назначения дополнительно приводит к формированию опасного «переплетения» [Arbatov et al., 2017], при котором применение противоспутниковых систем по этим орбитальным средствам может привести к ядерной эскалации.

Военно-стратегические факторы тесно связаны с двумя предыдущими группами и, вообще говоря, довольно разнообразны, включая в том числе радикальное сокращение сил общего назначения и изменение стратегических балансов в Европе и Азии после холодной войны. Однако нас будет интересовать центральный фактор этой природы — концепции ограниченной ядерной войны.

Теоретически предложенные в конце 1950-х годов, доктринально обоснованные в начале 1970-х и включенные наконец в реальные

¹⁸ О необходимости «интеграции потенциалов» в США и НАТО публично заговорили минимум с 2015 г. Ядерно-конвенциональная интеграция широко упоминается и в закрытом наставлении по операциям ядерных сил США JP 3-72, на короткое время опубликованном в интернете в 2019 г. См.: Aftergood S. DoD Doctrine on Nuclear Operations published, taken offline // Federation of American Scientists. 19.06.2019. Available at: <https://fas.org/blogs/secrecy/2019/06/nuclear-operations/> (accessed: 27.05.2022).

оперативные планы в конце 1980-х (все даты приведены для США), сценарии ограниченного применения ядерного оружия представляют собой отдельный вызов для стратегической стабильности. Прежде находясь в тени крупных арсеналов конца холодной войны, они вышли на поверхность сейчас, по итогам глубоких сокращений ядерного оружия, и получают всё большую популярность как потенциальный военно-политический инструмент «деэскалации» конфликтов крупных держав путем сигнального нанесения одиночных или крайне маломасштабных групповых ядерных ударов по тщательно подобранному перечню целей.

В ракурсе этой проблемы неплохо становятся видны недостатки определения стратегической стабильности 1990 г. Например, оно крайне удобно тем, что в нем не упомянут масштаб предотвращаемого первого применения ядерного оружия, и в этом смысле может начать казаться, что ограниченные сценарии учтены им. Но это лишь семантика умолчания. Если посмотреть на три опорных принципа 1990 г., становится очевидно, что речь идет о предотвращении первого *массированного* ядерного удара, причем разоружающего (в рамках стратегии «ограничения ущерба» [Арбатов, Дворкин, 2011: 3]).

Это логично: в конце 1980-х годов стороны имплицитно адресовались к актуальным на тот момент сценариям боевого применения, потенциалы для которых формировались с середины 1970-х годов. Однако способны ли три принципа 1990 г. предотвратить и ограниченное применение ядерного оружия? Оставаясь отдельным упражнением в ядерной схоластике, эти сценарии чрезвычайно чувствительны к воздействию на объекты сил ядерного сдерживания. Так, у Э. Колби, одного из наиболее активных современных проponentов подхода к «укреплению реалистичности» ядерного сдерживания через сценарии ограниченного применения ядерного оружия, мы читаем: «Логичным способом контроля сопутствующего ущерба были бы ограничение любых ядерных ударов, по крайней мере на начальном этапе, географическими границами исходного конфликта, и сосредоточение исключительно на военных целях. Чтобы не спровоцировать применение противником его живучих ядерных сил, удары — опять же, по крайней мере на начальном этапе — с очевидностью нельзя наносить по его наиболее ценным объектам, таким как пункты размещения высшего руководства, стратегические силы и системы связи и боевого управления» [Colby, 2014: 155].

Здесь мы видим, по сути, попытку создания принципиально новой модели ядерного конфликта, который должен вестись, само собой, по ту сторону ядерного порога, но заведомо ниже «красных линий», запускающих привычные механизмы гарантированного возмездия. Если во времена холодной войны концепция «заповедника» (*sanctuary*), подразумевавшая намеренное воздержание от нанесения ядерных ударов по определенным типам целей, включала в основном объекты размещения высшего руководства и, в ряде контрсиловых сценариев, городские агломерации, то здесь мы уже видим включение в этот перечень и всей инфраструктуры ядерных сил. Логика стратегической стабильности образца 1990 г. выворачивается наизнанку: живучесть сил ответного удара обеспечена полностью, но от первого применения ядерного оружия это совершенно не спасает, как и от опасности ползучей эскалации с поэтапным ростом масштаба обменов ударами и расширения списка целей.

Интересный ракурс также задает сравнение американской и отечественной школ мысли. В работах А.А. Кокошина еще с 1990-х годов развивалась концепция «предъядерного сдерживания» [Кокошин, 2003: 87–91], основанная на дозированном применении неядерного высокоточного оружия со стратегическими целями и легшая в основу принципа неядерного сдерживания, вошедшего в военную доктрину России в 2014 г. Вместе с тем у того же Э. Колби, одного из авторов «Обзора ядерной политики» США 2018 г., мы видим обратный ход мысли — попытку отклонить возможность раннего применения неядерных высокоточных средств по стратегическим целям как излишне эскалирующую, что сопровождается предпочтительным выбором ограниченных ядерных сценариев, строго локализованных театром военных действий [Colby, 2014: 150–151].

Иными словами, российская школа управления эскалацией ставит во главу угла тип применяемых вооружений (ядерные либо обычные), четко разграничивая ядерный порог, однако при этом создавая новые ступени в лестнице эскалации и тем самым позволяя повышать ставки в конфликте, предполагая, что опасность «коротких замыканий», приводящих к его спонтанному перерастанию в ядерный, невысока. Американская же скорее склоняется к тому, чтобы отдать приоритет ограничению масштаба возможного конфликта и перечня целей, что как раз размывает ядерный порог и даже понижает его в силу рассмотренных ранее соображений тщательной локализации конфликта. Последнее является заодно и

ощутимым стимулом к созданию более применимых маломощных и высокоточных образцов ядерного оружия (что мы и видим на примере БРПЛ Trident II с боевыми блоками W76-2 мощностью 8 кт, а также корректируемых тактических авиабомб B61-12) и к принятию комбинированных концепций ведения боевых действий наподобие ядерно-конвенциональной интеграции, причем, как это было в случае с «окном уязвимости», в качестве ответа США на якобы аналогичное поведение Китая, России и КНДР [Anderson, McCue, 2021].

Многие новые решения в этой сфере лишь усугубляют старые проблемы. Например, развитие технологий ядерных боезарядов и их средств доставки позволяет говорить о появлении нового класса вооружений — высокоточного ядерного оружия. Оно может иметь существенно более низкую мощность и меньший выход радиоактивности при сохранении поражающей способности. Это уменьшает «побочный ущерб» и одновременно снижает ядерный порог за счет большей применимости.

Тем не менее и здесь можно найти свои плюсы, зафиксировав связь с базовой проблематикой стабильности ядерного сдерживания. Подробное рассмотрение сценариев ограниченного применения ядерного оружия — современных и в ретроспективе конца холодной войны — показывает, что акцент на подобного рода формах боевого использования тем больше, чем выше уверенность сторон в живучести собственных стратегических сил ответного удара и устойчивости систем связи и боевого управления в протяженном конфликте, ведущемся с применением ядерного оружия (это, по-видимому, является критерием допустимости подобных сценариев, хотя и не влечет их неизбежности).

Другим аспектом является новая роль систем ПРО. «Тонкие» системы ПРО, не способные отразить масштабный ответный удар возмездия, при этом вполне могут остановить ограниченное (в первую очередь единичное) применение ядерного оружия в сценариях контроля ядерной эскалации. Наряд ядерных средств, необходимый для гарантированного преодоления обороны противника, увеличивается и, хотя и не достигает «массированного», может уже рассматриваться как чрезмерно эскалирующий при принятии решения о первом применении. Тем самым «тонкая» ПРО в явном виде выполняет стабилизирующую функцию повышения порога применения ядерного оружия. Заметим, что гиперзвуковая ракетная гонка, развернувшаяся в последние годы, возможно, имеет под

собой и мотивацию создать носитель, способный гарантированно преодолевать и «тонкую» ПРО даже при однократном применении, т.е. восстановить баланс между доктринальными воззрениями на ограниченную ядерную войну и оперативно-техническими возможностями располагаемых средств доставки ядерного оружия. Например, ровно ту же задачу в отношении многоэшелонной системы противовоздушной обороны (преодоление которой затруднительно для тактической авиации с ядерными авиабомбами) решают и уже упомянутые ракеты Trident II с боеголовками W76-2.

Мы видим ситуацию, которую очень легко охарактеризовать как момент системного кризиса стратегической стабильности. Сильные возмущающие воздействия заметны по всем трем группам факторов, что размывает предмет: неопределенным становится уже не только «чем» (каким оружием?) и «как» (по каким доктринам?), но и «где» (в каком миропорядке?). Понятна и причина увлечения широкими международно-политическими трактовками стратегической стабильности. Однако следует подчеркнуть, что характер и масштаб военно-технических вызовов сами по себе представляются достаточным основанием для деградации стратегической стабильности и требуют внимания для предотвращения возникновения войн, а также снижения затрат на подготовку к ним и ограничения масштабов побочных потерь, если война всё же состоится (что и является классической целью контроля над вооружениями [Schelling, Halperin, 1961: 2]). Последнее особенно важно в условиях резкого нарастания конфронтации в треугольнике «Запад — Китай — Россия» — с потерей оснований для рассуждений об уходе в прошлое сценариев взаимоотношений врагов, что меняет нарратив обсуждения стратегической стабильности.

* * *

Гипотетическая институционализация новой формы мирового порядка, создав международно-политический контекст поддержания стратегической стабильности, сама по себе не дает ничего нового для сокращения дестабилизирующего воздействия рассмотренных нами военно-технических и военно-стратегических факторов. Это вновь возвращает нас к актуальной расстановке приоритетов на данный момент в пользу узкой трактовки стратегической стабильности и примата чисто военного ее измерения. Для того чтобы адресоваться к ним, необходимо восстановить рамки контроля над

вооружениями, понимаемого предельно прагматично — как всей совокупности военных методов снижения риска начала войны великих держав в условиях международно-политической нестабильности.

Стратегическая стабильность подразумевает конфигурацию и динамический баланс потенциалов, которые одновременно надежно обеспечивали бы поражение территории противника установленным количеством ядерного оружия и вместе с тем гарантировали бы и выживаемость сил ответного удара всех участников. А.А. Кокошин описывал это противоречие так: «ситуация ядерного сдерживания представляет собой сложную комбинацию уязвимости — неуязвимости» [Кокошин, 2013: 195].

Рост числа новых вызовов для стратегической стабильности требует интенсификации диалога по ним, для начала хотя бы для утверждения понятийно-категориального аппарата и согласования взаимного видения поля угроз. Не имеющая аналогов в истории контроля над вооружениями пауза, взятая после заключения Пражского договора (СНВ-3) в 2010 г., не просто заблокировала любой прогресс в этой области, а, как показал плачевный опыт американской делегации на двусторонних консультациях с Россией в 2019–2020 гг., может вести к серьезной деградации компетенций переговорных команд и в традиционных областях проблематики СНВ¹⁹. Фактор Китая дополнительно осложняет проведение диалога необходимостью синхронизации языка обсуждения проблем даже в сферах, уже давно и прочно согласованных российской и американской сторонами.

Однако уже на данной стадии следует верно позиционировать такой диалог. Он не является и не может выступать заменой классическому контролю над вооружениями в силу того, что не ведет к принятию даже простейших политических обязательств и реализации добровольных мер доверия. Аморфные, в том числе многосторонние, форумы, где обсуждаются проблемы безопасности, могут функционировать десятилетиями без малейшего влияния на стратегический

¹⁹ Предельно красноречивой иллюстрацией были американские требования о включении Китая в механизмы продлеваемого Договора СНВ, а также о дополнительных обязательствах по замораживанию всего арсенала ядерных боезарядов. Это вскрывало содержательную логику соглашения и потребовало бы его повторной ратификации как нового, уже трехстороннего, договора с новыми принципами баланса и верификации.

ландшафт — пример ранних попыток создания системы контроля над вооружениями на рубеже XIX–XX вв. здесь очень показателен.

Тем не менее и подобные обсуждения могут принести пользу, если использовать их как поставщиков идей и решений для укрепления контроля над вооружениями: инициатив, мер доверия, политических обязательств и в качестве центрального элемента — юридически обязывающих соглашений с интрузивной верификацией. Гибридная схема работы подразумевает выделение жесткого опорного «ядра», сформированного соглашениями и официальными переговорами с конкретным политическим мандатом высокого уровня (отталкиваться придется от Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и процесса по СНВ), и постепенно разрыхляющейся диалоговой периферии процесса. Последняя должна заниматься концептуальным освоением новых областей как горизонтально, в военно-политическом измерении (придаванием процессу многосторонних форм), так и вертикально — в военно-техническом и военно-стратегическом, развивая прежде не затронутые группы факторов стратегической стабильности.

С учетом рассмотренной в работе военно-политической асимметрии и существенной разницы во взаимных озабоченностях потенциалами друг друга с практической точки зрения стратегическую стабильность было бы довольно трудно обеспечивать в форме трехсторонних содержательных соглашений КНР, США и России. Как замечают некоторые исследователи [Арбатов, 2022: 19], в таких условиях несколько проще было бы реализовать архитектуру контроля над вооружениями, выполненную в форме «разомкнутого треугольника»: два параллельных, но несинхронных трека, связанные через США, каждый со своей повесткой и внутренней динамикой.

Окончательное отмирание паритета по СЯС как репрезентации стабильных стратегических отношений в многополярном ядерном мире выводит на первый план исходную трактовку стратегической стабильности: гарантия ядерного удара возмездия во всех реалистичных сценариях развития обстановки. К сожалению, отражение минимального сдерживания в соглашениях о контроле над вооружениями, столь же прозрачное и интуитивно очевидное, как стратегический паритет по носителям и боезарядам, на данном этапе выглядит сомнительно.

Сторона, первая взявшая на себя ответственность за подобную форму купирования «многоугольной» гонки вооружений, будет

вынуждена вести сложные переговоры как на внешнем контуре, так и внутри страны, согласовывая единое видение и приоритеты с партнерами по процессу ограничения вооружений, разъясняя смысл согласия на неравные их группировки и обосновывая внутри элит достаточность принятого решения для обеспечения национальной безопасности («сколько сдерживания достаточно?»). Противоречивый опыт Китая, несколько десятилетий игравшего в эту игру в одиночку, показывает, что без интегрированности в общую архитектуру контроля над вооружениями (с транспарентностью и встречным балансированием взаимных озабоченностей) подобный путь особых преимуществ не дает. Восстановление биполярной ядерной «суперсистемы» само по себе могло бы оказать стабилизирующий эффект, но в текущих военно-политических условиях этот сценарий возможен лишь при целенаправленном или вынужденном принятии Россией роли второстепенной ядерной державы, опирающейся на минимальное сдерживание (т.е. при занятии ею военно-стратегического места Китая 1990-х годов), а также при намерении КНР интенсивно включиться в процесс двустороннего контроля над вооружениями с США после достижения паритета к началу 2030-х годов.

Как ни странно, на этом пути куда более перспективными, по крайней мере на данном этапе, выглядят односторонние меры самоограничения. Такие меры, исключая самые элементарные, чувствительны к общей международно-политической атмосфере, что потребует сохранения или восстановления некоторого стабильного каркаса системы контроля над вооружениями, опирающегося как минимум на ДНЯО (а потенциально и на возможно сохранившиеся после 2026 г. договоренности по СНВ²⁰) и способствующего ведению перманентного диалога по стратегически острым темам для согла-

²⁰ Полезно было бы добиваться юридически обязывающего соглашения с механизмом взаимных инспекций на период после 2026 г., тем более что американская сторона выражала заинтересованность в этом как до февраля 2022 г., так и после. Однако в зависимости от политической конъюнктуры в минималистической форме это может быть и непроверяемое параллельное политическое обязательство «не превышать первым» потолки Договора СНВ 2010 г., дополненное иными мерами доверия. История холодной войны знала аналогичный период (1979–1986) в отношении юридически не действовавшего Договора ОСВ-2. Заметим, что фактическое исполнение того договора воспринималось обеими сторонами как промежуточное решение на период подготовки новых соглашений (переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе (1980–1983) и ограничению и

сования видения актуальных угроз и поиска возможных решений. В противном случае меры придется основывать не на строго очерченной в договорно-правовой форме и проверяемой инспекциями информации о структуре аналогичных группировок сил и средств вероятного противника, а на данных разведки, оценках, прогнозах роста и сценарных моделях, что неизбежно приводит к накоплению ошибок интерпретации, причем, как показывает практика холодной войны, почти всегда в сторону преувеличения возможностей противоположной стороны.

Стабильность минимального сдерживания в текущих условиях всё больше зависит от неядерных военно-технических факторов, «имеющих стратегический эффект» (в первую очередь от космических вооружений, ПРО и высокоточного оружия большой дальности). Это дает интересный вариант дальнейшего движения по треку контроля над вооружениями. Привычная проблематика СНВ уходит с первых строчек приоритетов, хотя и сохраняет значимость в виде юридически обязывающего обеспечения транспарентности группировок и предсказуемости траекторий их развития. Дальнейшее сокращение СНВ может и не стоять на повестке дня: акцент возможен на совокупности ограничений побочных и не охваченных соглашениями систем вооружений, что снижает угрозы живучести группировки ответного удара в условиях ядерно-конвенциональной интеграции, устраняет наиболее эскалационно опасные системы и сценарии из рассмотрения и сдерживает стимулы к гонке наступательных вооружений.

Следующим шагом, снизив угрозы для системы ядерного сдерживания, можно переходить и к собственно ядерным вооружениям, фиксируя новое положение дел в виде соглашений о контроле над ними: например, расширяя сферу охвата через дихотомию «развернутое/неразвернутое» оружие. Это куда более соответствует современной логике ядерного сдерживания, задачам поддержания стратегической стабильности и исключения ядерных рисков, чем популярная в последние годы дихотомия «стратегическое/тактическое»²¹. На этом этапе можно искать подходы к будущему

сокращению стратегических вооружений (1982–1983), рестарт переговоров по ядерным и космическим вооружениям с 1985 г.).

²¹ Можно процитировать лаконичную формулу бывшего министра обороны США Дж. Мэттиса: «Тактического ядерного оружия не бывает; всё ядерное оружие “переворачивает доску” стратегически».

раскрытию «ящика Пандоры»: контролю над объектами централизованного хранения ядерного оружия. Для начала корректно было бы определить статус развернутого ядерного оружия (в том числе такого, которое находится на передовых базах в готовности к выдаче на носитель) и разработать первичные меры верификации, начав с процедур и инженерно-технического обеспечения инспекций пустых объектов хранения. Однако следует понимать, что глубокое продвижение по этой линии потребует вновь вернуться к неядерным факторам, а именно к дисбалансам сил общего назначения и накопленным обычным вооружениям, которые и призвано компенсировать тактическое ядерное оружие, как показывает практика ядерного планирования и холодной войны (в случае НАТО), а также периода после нее (в случае с Россией).

Подобные решения, подкрепляя стратегическую стабильность с военно-технической стороны, слабо влияют на военно-стратегическую сферу: ограниченные сценарии по-прежнему ими не охватываются. Проблема последних (как, к слову, и предъядерного сдерживания) — это содержательное наполнение вопроса об управляемости эскалации, не решенного до сих пор. При этом, как мы отмечали ранее, согласованное определение стратегической стабильности 1990 г. слабо сдерживает предельно ограниченное применение ядерного оружия, в отличие от массированных обменов.

Так, А.Г. Арбатов призывал в связи с этим искать формулы, снижающие стимулы не просто к «первому удару» (массированной контрсиловой атаке), а к любому первому применению ядерного оружия [Арбатов, 2020: 19]. В этой идее потенциально кроется противоречие, связанное с самой сущностью ядерного сдерживания, основанного на гарантиях применимости ядерного оружия в любых условиях. Но поиск облегчается тем, что ограниченные сценарии в том виде, как они описываются сегодня, исключают воздействие на критически значимые элементы СЯС. Следовательно, можно искать решения, снижающие стимулы к любому первому применению ядерного оружия, но главным образом преграждающие путь быстрой эскалации через ядерный порог и при этом не затрагивающие сферу взаимного гарантированного уничтожения.

Для начала можно предложить диалог на тему предотвращения эскалации из-за ошибок или неверного прочтения намерений оппонента. В этом помог бы регулярный обмен мнениями о доктринах и группировках сил и средств. По меньшей мере это способствовало бы

некоторой интеллектуально-исторической преемственности нарратива переговорных команд, не вызывая к жизни публицистические химеры наподобие стратегии «эскалации для деэскалации», якобы возникшей только в России и только в последние годы и будто бы не имеющей отношения к упражнениям в эскалационном доминировании времен конца холодной войны²².

Имеет смысл также серьезно ограничить районы и потолки развертывания платформ двойного оснащения, а также запретить некоторые типы вооружений большой дальности в двойном оснащении (с сохранением отдельно ядерных и конвенциональных вооружений соответствующей досягаемости, имеющих выраженные различия). Подобный запрет может идти поперек сложившихся национальных традиций военного строительства, но одновременно соответствует целевой рамке снижения рисков и способствует постепенному переносу акцента на неядерное высокоточное оружие (что так или иначе провозглашено всеми крупными военными державами). Финансовые траты, связанные с такими ограничениями, послужат дополнительным сдерживающим фактором гонки ударных вооружений в условиях кризисного состояния глобальной экономики.

Интересно было бы и возобновление диалога по ПРО, но не центрированное исключительно на сохранности потенциала ответного удара и попытках восстановить краеугольные камни. Требуется рассмотреть также роль ПРО в повышении ядерного порога при ограниченных сценариях в сочетании с купированием угроз, протекающих с «ядерной периферии». Это будет уже «третье издание» философии ПРО: от восприятия ее как строго дестабилизирующей в 1970–1980-х годах через попытки отделить дестабилизирующую часть от стабилизирующей в конце 1990-х — к вопросу о том, ка-

²² Доктрина «эскалации для деэскалации» (правильнее, с учетом интерпретаций: «эскалация для победы») — это вульгаризованное и политизированное описание хорошо известных со времен холодной войны принципов дозированного применения ядерного оружия в условиях дисбалансов сил общего назначения (ср., например, с доктриной «гибкого реагирования» НАТО). Подробнее обсуждение вопроса о нюансах российской ядерной стратегии и их соотношении с логикой «эскалации для деэскалации» см.: [Oliker, 2016; Ven Bruusgaard, 2021], а также: Ross J. Time to terminate escalate to de-escalate — It's escalation control // War on the Rocks. 24.04.2018. Available at: <https://warontherocks.com/2018/04/time-to-terminate-escalate-to-de-escalateits-escalation-control/> (accessed: 27.05.2022); Ryan K. Is 'escalate to deescalate' part of Russia's nuclear toolbox? // Russia Matters. 08.01.2020. Available at: <https://www.russiamatters.org/analysis/escalate-deescalate-part-russias-nuclear-toolbox> (accessed: 27.05.2022).

кие количественные и качественные параметры конфигурации группировок оборонительных вооружений отвечают базовой идее стратегической стабильности.

В целом состояние стратегического ландшафта после холодной войны и в условиях нарастающей конфронтации крупных держав подсказывает горизонтальную логику трансформации стратегической стабильности. Сохранение центрального юридически обязывающего ядра контроля над вооружениями на базе следующего Договора СНВ выглядит необходимой задачей, но совершенно недостаточно для стабилизации стратегических отношений даже в случае заметного расширения сферы охвата. Требуется «гроздь» параллельных процессов контроля над различными классами вооружений разной степени обязательности и интрузивности, которая позволит остановить эрозию стратегической стабильности и снизит риски начала ядерной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А.Г. Вооружения и дипломатия // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 9–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-9-23.
2. Арбатов А.Г. Стратегическая стабильность и китайский гамбит // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 3. С. 5–22. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-5-22.
3. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Стратегическая стабильность до и после холодной войны // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 3. С. 3–11.
4. Веселов В.А. Трансформация параметров стратегической стабильности: роль технологического фактора // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 23–56.
5. Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военные конфликты и стратегическую стабильность / Под ред. А.А. Кокошина. М.: Издательство Московского университета, 2017.
6. История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарёва. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.
7. Караганов С.А., Суслов Д.В. Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности. М.: Высшая школа экономики, 2019.

8. Кокошин А.А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991 гг. М.: Международные отношения, 1995.

9. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.

10. Кокошин А.А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 7–21. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.02.

11. Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003.

12. Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / Под ред. А.Г. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2020.

13. Мозжорин Ю.А. Так это было. М.: Международная программа образования, 2001.

14. Оружие ракетно-ядерного удара / Под ред. Ю.А. Яшина и др. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009.

15. Петровский В.Ф. Стратегическая безопасность — требование XXI века // Современная Европа. 2004. № 1. С. 37–46.

16. Савельев А.Г. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 57–84.

17. Савельев А.Г., Дворкин В.З., Есин В.И., Детинов Н.Н. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения. Рабочая тетрадь РСМД IX/2013. М.: Спецкнига, 2013.

18. Сулов Д.В. Заложить основу будущего // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 5. С. 114–121. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-114-121.

19. Сухорутченко В.В., Крейдин С.В. Ядерное сдерживание в условиях развития глобальной системы противоракетной обороны США // Военная мысль. 2022. № 5. С. 112–117.

20. Фененко А.В. Асимметричная модель ядерного сдерживания // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 3. С. 13–29. DOI: 10.20542/afij-2021-3-13-29.

21. The absolute weapon: Atomic power and world order. / Ed. by B. Brodie. San-Diego, CA: Harcourt, 1946.

22. Anderson J., McCue J. Deterring, countering, and defeating conventional-nuclear integration // Strategic Studies Quarterly. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 28–60.

23. Arbatov A., Dvorkin V., Topychkanov P. Entanglement as a new security threat // Entanglement. Russian and Chinese perspectives on non-nuclear weapons and nuclear risks / Ed. by J. Acton. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2017. P. 11–46.

24. Borden W. *There will be no time: The revolution in strategy*. New York: Macmillan, 1946.

25. Colby E. *The need for limited nuclear options // Challenges in U.S. national security policy* / Ed. by D. Ochmanek, M. Sulmeyer. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2014. P. 141–168.

26. Fischer B. *A Cold War conundrum: The 1983 Soviet war scare*. Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, 1997.

27. Hines J. *Soviet strategic intentions 1965–1985; an analytical comparison of U.S. Cold War interpretations and Soviet Post-Cold War testimonial evidence*. PhD Thesis. University of Edinburgh, 1996.

28. Kaplan F. *The wizards of Armageddon*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.

29. Kristensen H., Korda M. *Russian nuclear weapons, 2021* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2021. Vol. 77. No. 2. P. 90–108.

30. Lambeth B. *Selective nuclear operations and Soviet strategy*. Santa-Monica, CA: RAND Corporation, 1975.

31. Lieber K., Press D. *The new era of counterforce: Technological change and the future of nuclear deterrence* // *International Security*. 2017. Vol. 41. No. 4. P. 9–49. DOI: 10.1162/ISEC_a_00273.

32. Manzo V., Miles A. *The logic of integrating conventional and nuclear planning* // *Arms Control Today*. 2016. Vol. 46. No. 9. P. 8–14.

33. *Meeting the challenges of a new nuclear age* / Ed. by R. Legvold, F. Chyba // *Daedalus*. 2020. Vol. 149. No. 2.

34. Nitze P. *Assuring strategic stability in an era of détente* // *Foreign Affairs*. 1976. Vol. 54. No. 2. P. 207–232.

35. Nitze P. *Deterring our deterrent* // *Foreign Policy*. 1976/1977. No. 25. P. 195–210.

36. Oliker O. *Russia's nuclear doctrine: What we know, what we don't know, and what that means*. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2016.

37. Podvig P. *The window of vulnerability that wasn't: Soviet military buildup in the 1970s — A research note* // *International Security*. 2008. Vol. 33. No. 1. P. 118–138.

38. Saalman L. *China and the U.S. nuclear posture review*. Beijing: Carnegie-Tsinghua Center, 2011.

39. Schelling T. *Surprise attack and disarmament* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1959. Vol. 15. No. 10. P. 413–418.

40. Schelling T., Halperin M. *Strategy and arms control*. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

41. Snyder J. *The soviet strategic culture: Implications for limited nuclear operation*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1977.

42. Strategic stability: Contending interpretations / Ed. by E. Colby, M. Gerson. Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2013.

43. Tsipis K. The accuracy of strategic missiles // *Scientific American*. 1975. Vol. 233. No. 1. P. 14–23.

44. Ven Bruusgaard K. Russian nuclear strategy and conventional inferiority // *Journal of Strategic Studies*. 2021. Vol. 44. No. 1. P. 3–35. DOI: 10.1080/01402390.2020.1818070.

45. Wohlstetter A. The delicate balance of terror // *Foreign Affairs*. 1959. Vol. 37. No. 2. P. 211–234.

46. Yarynich V. C3: Nuclear command, control, and cooperation. Washington, D.C.: Center for Defense Information, 2003.

47. Zhao T. Conventional long-range strike weapons of U.S. Allies and China's concerns of strategic instability // *The Nonproliferation Review*. 2020. Vol. 27. No. 1–3. P. 109–122. DOI: 10.1080/10736700.2020.1795368.

REFERENCES

1. Arbatov A.G. 2020. Vooruzheniya i diplomatiya [Arms and diplomacy]. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no. 6, pp. 9–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-9-23. (In Russ.)

2. Arbatov A.G. 2022. Strategicheskaya stabilnost' i kitaiskii gambit [Strategic stability and Chinese gambit]. *World Economy and International Relations*, vol. 66, no. 3, pp. 5–22. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-5-22. (In Russ.)

3. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. 2011. Strategicheskaya stabilnost' do i posle holodnoi voyny [Strategic stability before and after Cold War]. *World Economy and International Relations*, no. 3, pp. 3–11. (In Russ.)

4. Veselov V.A. 2015. Transformatsiya parametrov strategicheskoi stabilnosti: rol' tekhnologicheskogo faktora [The role of technological factor in transforming parameters of strategic stability]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 3, pp. 23–56. (In Russ.)

5. Kokoshin A.A. (ed.). 2017. Vliyaniye tekhnologicheskikh faktorov na parametry ugroz natsionalnoi i mezhdunarodnoi bezopasnosti, voennyye konflikty i strategicheskuyu stabilnost' [The impact of technological factors on threats to national and international security, military conflicts and strategic stability]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russ.)

6. Zolotarev V.A. (ed.). 2000. *Istoriya voennoi strategii Rossii* [History of Russian military strategy]. Moscow, Kuchkovo pole; Poligrafresursy Publ. (In Russ.)

7. Karaganov S.A., Suslov D.V. 2019. *Novoe ponimaniye i puti ukrepleniya mnogostoronnei strategicheskoi stabilnosti* [New understanding and ways to strengthen multilateral strategic stability]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ. (In Russ.)

8. Kokoshin A.A. 1995. *Armiya i politika. Sovetskaya voenno-politicheskaya i voenno-strategicheskaya mysl', 1918–1991 gg.* [Army and politics. Soviet military-political and military-strategic thinking in 1918–1991]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

9. Kokoshin A.A. 2013. *Politiko-voennye i voenno-strategicheskie problemy natsionalnoi bezopasnosti Rossii i mezhdunarodnoi bezopasnosti* [Politico-military and military-strategic issues of Russia's national security and international security]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russ.)

10. Kokoshin A.A. 2018. Strategicheskaya stabilnost' v usloviyakh kriticheskogo obostreniya mezhdunarodnoi obstanovki [Strategic stability in deteriorating international environment]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 7–21. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.02. (In Russ.)

11. Kokoshin A.A. 2003. *Yadernye konflikty v 21 veke (tipy, formy, vozmozhnye uchastniki)* [Nuclear conflicts in the 21st century: Types, forms, and potential participants]. Moscow, Media-Press Publ. (In Russ.)

12. Arbatov A.G. (ed.). 2020. *Kontrol nad vooruzheniyami v novykh voenno-politicheskikh i tekhnologicheskikh usloviyakh* [Arms control in the new military-political and technological conditions]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

13. Mozhzhorin Yu.A. 2001. *Tak eto bylo* [That's how it was]. Moscow, Mezhdunarodnaya programma obrazovaniya Publ. (In Russ.)

14. Yashin et al. (eds.). 2009. *Oruzhie raketno-yadernogo udara* [The weapons of nuclear missile attack]. Moscow, Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Bauman Publ. (In Russ.)

15. Petrovskiy V.F. 2004. Strategicheskaya bezopasnost' — trebovanie XXI veka [Strategic security as the 21st century imperative]. *Contemporary Europe*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.)

16. Savelyev A.G. 2015. Strategicheskaya stabilnost' i yadernoe sderzhivanie: uroki istorii [Strategic stability and nuclear deterrence: Lessons from history]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 3, pp. 57–84. (In Russ.)

17. Savelyev A.G., Dvorkin V.Z., Esin V.I., Detinov N.N. 2013. *O mnogostoronnem podkhode k probleme yadernogo razoruzhenia. Rabochaya tetrad' RSMD IX/2013* [On multilateral approach to the nuclear disarmament. RSMD Working Paper IX/2013]. Moscow, Spetskniga Publ. (In Russ.)

18. Suslov D.V. 2021. Zalozhit' osnovy buduschego [Lay the foundation for the future]. *Rossiya v globalnoi politike*, vol. 19, no. 5, pp. 114–121. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-114-121. (In Russ.)

19. Sukhorutchenko V.V., Kreidin S.V. 2022. Yadernoe sderzhivanie v usloviyakh razvitiya globalnoi sistemy protivoraketnoi oborony SShA [Nuclear deterrence under conditions of expanding U.S. global system of missile defense]. *Voennaya mysl'*, no. 5, pp. 112–117. (In Russ.)

20. Fenenko A.V. 2021. Asimmetrichnaya model' yadernogo sderzhivaniya [An asymmetric model of nuclear deterrence]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, no. 3, pp. 13–29. DOI: 10.20542/afij-2021-3-13-29. (In Russ.)
21. Brodie B. (ed.). 1946. *The absolute weapon: Atomic power and world order*. San-Diego, CA, Harcourt.
22. Anderson J., McCue J. 2021. Deterring, countering, and defeating conventional-nuclear integration. *Strategic Studies Quarterly*, vol. 15, no. 1, pp. 28–60.
23. Arbatov A., Dvorkin V., Topychkanov P. 2017. Entanglement as a new security threat. In: Acton J. (ed.). *Entanglement. Russian and Chinese perspectives on non-nuclear weapons and nuclear risks*. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace, pp. 11–46.
24. Borden W. 1946. *There will be no time: The revolution in strategy*. New York, Macmillan.
25. Colby E. 2014. The need for limited nuclear options. In: Ochmanek D., Sulmeyer M. (eds.). *Challenges in U.S. national security policy*. Santa Monica, CA, RAND Corporation, pp. 141–168.
26. Fischer B. 1997. *A Cold War conundrum: The 1983 Soviet war scare*. Washington, D.C., Center for the Study of Intelligence, 1997.
27. Hines J. 1996. *Soviet strategic intentions 1965–1985; an analytical comparison of U.S. Cold War interpretations and Soviet Post-Cold War testimonial evidence*. PhD Thesis. University of Edinburgh.
28. Kaplan F. 1991. *The wizards of Armageddon*. Stanford, CA, Stanford University Press.
29. Kristensen H., Korda M. 2021. Russian nuclear weapons, 2021. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 77, no. 2, pp. 90–108. DOI: 10.1162/ISEC_a_00273.
30. Lambeth B. 1975. *Selective nuclear operations and Soviet strategy*. Santa-Monica, CA, RAND Corporation.
31. Lieber K., Press D. 2017. The new era of counterforce: Technological change and the future of nuclear deterrence. *International Security*, vol. 41, no. 4, pp. 9–49.
32. Manzo V., Miles A. 2016. The logic of integrating conventional and nuclear planning. *Arms Control Today*, vol. 46, no. 9, pp. 8–14.
33. Legvold R., Chyba F. (eds.). 2020. Meeting the challenges of a new nuclear age. *Daedalus*, vol. 149, no. 2.
34. Nitze P. 1976. Assuring strategic stability in an era of détente. *Foreign Affairs*, vol. 54, no. 2, pp. 207–232.
35. Nitze P. 1976/1977. Deterring our deterrent. *Foreign Policy*, no. 25, pp. 195–210.
36. Olikar O. 2016. *Russia's nuclear doctrine: What we know, what we don't know, and what that means*. Washington, D.C., Center for Strategic and International Studies.

37. Podvig P. 2008. The window of vulnerability that wasn't: Soviet military buildup in the 1970s — A research note. *International Security*, vol. 33, no. 1, pp. 118–138.
38. Saalman L. 2011. *China and the U.S. nuclear posture review*. Beijing, Carnegie-Tsinghua Center.
39. Schelling T. 1959. Surprise attack and disarmament. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 15, no. 10, pp. 413–418.
40. Schelling T., Halperin M. 1961. *Strategy and arms control*. New York, The Twentieth Century Fund.
41. Snyder J. 1977. *The Soviet strategic culture: Implications for limited nuclear operation*. Santa Monica, CA, RAND Corporation.
42. Colby E., Gerson M. (eds.). 2013. *Strategic stability: Contending interpretations*. Carlisle Barracks, PA, U.S. Army War College.
43. Tsipis K. 1975. The accuracy of strategic missiles. *Scientific American*, vol. 233, no. 1, pp. 14–23.
44. Ven Bruusgaard K. 2021. Russian nuclear strategy and conventional inferiority. *Journal of Strategic Studies*, vol. 44, no. 1, pp. 3–35. DOI: 10.1080/01402390.2020.1818070.
45. Wohlstetter A. 1959. The delicate balance of terror. *Foreign Affairs*, vol. 37, no. 2, pp. 211–234.
46. Yarynich V. 2003. *C3: Nuclear command, control, and cooperation*. Washington, D.C., Center for Defense Information.
47. Zhao T. 2020. Conventional long-range strike weapons of U.S. Allies and China's concerns of strategic instability. *The Nonproliferation Review*, vol. 27, no. 1–3, pp. 109–122. DOI: 10.1080/10736700.2020.1795368.

Статья поступила в редакцию 29.05.2022;
одобрена после рецензирования 15.08.2022;
принята к публикации 25.02.2023

The paper was submitted 29.05.2022;
approved after reviewing 15.08.2022;
accepted for publication 25.02.2023